

Накопление фактического материала о традиционной социальной культуре полешуков польскими этнологами в 1920-е гг. / И.В. Олюнина // Традиції і сучасны стан культуры і мастацтваў: матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 10–11 лістапада 2011 г., г. Мінск / гал. рэд. А.І. Лакотка; Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2011. – С. 315-319.

НАКОПЛЕНИЕ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА О ТРАДИЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ПОЛЕШУКОВ ПОЛЬСКИМИ ЭТНОЛОГАМИ В 1920-е гг.

И.В. Олюнина

Большой фактический материал по традиционной социальной культуре Белорусского Полесья был накоплен К. Мошиньским во время многочисленных экспедиций на Полесье. Будучи начинающим этнографом, К. Мошиньский познакомился с Чеславом Петкевичем, рассказы которого о красоте и своеобразии культуры полесского края вдохновили молодого ученого на проведение исследований на Белорусском Полесье [1, с. 22]. Первую экспедицию он совершил еще летом 1914 г. на территорию Речицкого и Мозырского поветов. На протяжении двух недель К. Мошиньский систематически собирал материалы в деревнях Дорошевичи и Дьяковичи, затем в деревне Славковичи [2, с. IV]. Общий объем материала сложно оценить, так как частично он был опубликован, а большая его часть вошла в третий том «Народной культуры славян», который должен был называться «Социальная культура». Он остался неопубликованным и сейчас находится в архиве Ягеллонского университета (Краков, Польша). Известно, что в этих материалах содержатся сведения об особенностях обрядности Белорусского Полесья, однако не в полном объеме, так как утрачены материалы по погребальным обрядам. Кроме того, известно, что сбор фактического материала был прерван началом Первой Мировой войны, поэтому информация, собранная К. Мошиньским по традиционной социальной культуре Белорусского Полесья, является неполной. Материалы,

собранные во время полесских экспедиций 1920-х гг., охватывали широкий спектр проблематики социальной культуры: К. Мошинский собирал материал по семейной обрядности, структуре и особенностям иерархии полесской семьи, семейным праздникам и обрядам, а также взаимоотношениям в общине на Белорусском Полесье. Эти материалы были использованы во всех крупных работах К. Мошинского – «Восточное Полесье», «Народная культура славян», «Человек» [3, с.154-163].

В ряде статей 1920-х гг., опубликованных в журнале «Земля», К. Мошинский неоднократно подчеркивал уникальность полесского региона В опубликованной в 1927 г. статье «Польский народ в бассейне Вислы» ученый обращал внимание польских этнологов на необходимости проведения комплексных этнологических исследований на этой территории [4, с.163]. В статье 1925 г. «Регионализм в отношении к этнографии» К. Мошинским отмечена особая важность проведения системных региональных исследований для польской этнологии на Белорусском Полесье [5, с.14]. Статья 1925 г. «Выпаливание целины» посвящена особенностям ведения полешуками сельского хозяйства и освоения на Полесье новых земель [6].

Серия статей К. Мошинского, изданная в 1920-х гг. в научной периодике, стала подготовительным этапом к выходу фундаментальной «Народной культуры славян». Большая часть статьи 1925 г. «О народной культуре юго-восточного Полесья», обобщающей полевые материалы, собранные К. Мошинским во время экспедиций 1922 и 1924 гг., посвящена особенностям архитектуры региона и богато иллюстрирована. Эволюционист К. Мошинский был впечатлен тем, что на территории региона было представлено большое количество самых разнообразных архитектурных типов [7, с.123]. Материалы к статье «Новогрудское воеводство с этнографической точки зрения» 1925 г. К. Мошинский собирал в деревнях Дорошевичи, Дьяковичи и др. (территории Речицкого, Коссовского, Столбцовского, Слонимского поветов) в 1914–1925 гг. Необходимо

отметить, что в данной статье автор использовал выработанный им последовательный подход к анализу культурного комплекса региона [8].

Промежуточные итоги своих методологических поисков К. Мошинский подвел в ряде статей 1920-х гг. Методика картографирования приведена К. Мошинским в статье 1925 г. «Некоторые результаты этнографических исследований Польши» [9]. Лингвистический анализ названий белорусских деревень был использован К. Мошинским в статье, опубликованной в 1927 г. «Замечания по славянской топографической и физиографической терминологии, основанные на белорусском полесском материале», которая была посвящена уточнению терминологии этнологических исследований [10, с.19]. Публикации К. Мошинского, вышедшие в 1920-е гг. в периодическом издании «Славянский народ», свидетельствуют о высоком уровне профессиональной подготовки польского этнолога. Так, в статьях, опубликованных в 1929-1930 гг. «Белорусский «спор» и «спарыш» и «Охотничьи ловушки» зафиксированы особенности методики полевой работы К. Мошинского, которую он всегда начинал с детального исследования материальной культуры [11, 12]. Эта особенность его исследований наиболее подробно описана в статье 1924 г. «О внутренней структуре работ, посвященных комплексу материальной культуры» К. Мошинский обосновал собственную концепцию исследования, построенную на последовательном изучении материальной, духовной и социальной культуры. Так, например, план, выработанный ученым для исследований материальной культуры, строился поэтапно: сначала осуществляется сбор материала по собирательству, охоте, рыболовству, скотоводству, растениеводству; затем по обработке сырья, консервации и приготовлению пищи; затем по созданию различных инструментов, и наконец – по оружию, одежде, жилью, гигиене, транспорту и коммуникациям. [13, с. 38-42].

Так, например, в статье, опубликованной в 1929-1930 гг. в журнале «Свентоянские обычаи на Западном Полесье» описан способ рассылки

опросников, которым автор пользовался и позднее [14, с. В86]. К. Мошиньский опирался на опыт белорусского этнографа П. Шейна, который в 1867 г. разработал программу сбора фольклорно-этнографических материалов и отправил ее почтой в отдаленные школы сел и местечек края. Она была адресована прежде всего учителям, местной интеллигенции, и именно эта программа стала серьезным шагом в развитии изучения социальной культуры Белорусского Полесья. Особенное внимание своих читателей и последователей П. Шейн обращал на необходимость профессионального подхода к исследованию, отмечал необходимость соблюдения методологии исследования, описания максимально возможного количества сведений о тех обстоятельствах, в которых был собран материал, для того, чтобы впоследствии им можно было воспользоваться и другим исследователям [15, с.523].

Собираясь проводить дальнейшие исследования, в 1927 г. К. Мошиньский подготовил обширный опросник для сбора материалов по исследованию духовной и социальной культуры Белорусского Полесья. К. Мошиньский отмечал основные принципы своего исследования: респондентами должны были быть местные люди пожилого возраста (все данные - имя, фамилия, возраст, полное название деревни, повета и гмины, особенности респондента, его поведение во время беседы и т. п. - вносились затем в дневник); следовало подчеркнуть, что речь идет о давних, а не бытующих сегодня обычаях; необходимо было записывать объяснения неизвестных терминов и т. д. [16, с. 1] Процесс работы с опросником К. Мошиньский подробно описал в 1929 г. в отчете “Этнографические исследования Восточного Полесья в 1926 г.” [17, с.127-171].

Новые экспедиции были проведены К. Мошиньским в 1920-х гг. в Западном Полесье. Известно, что в 1922 г. он работал в Лунинецком повете, а в 1924-25 гг. провел несколько экспедиций в деревни Денисковичи, Спорово, Заямное и др. Коссовского и Дрогичинского поветов. Во время этих экспедиций К. Мошиньский использовал метод прямого наблюдения,

фикси́ровал доступный фактический материал. К. Мошинский разработал несколько опросников, в которые были включены вопросы, посвященные исследованию духовной и социальной культуры региона. В опросе, связанном с душевным здоровьем человека, К. Мошинский отмечал, что необходимо проследить отношение окружающих к таким людям, зафиксировать названия, которые им даются [16, с. 7] Отношение общины к тем, кто занимался магическими практиками, знахарством и ворожбой, а также к тем, кто им пытался противостоять, было также, по мнению ученого, важным для исследования фактом [16, с. 9-11]. К Мошинский интересовался тем, как оберегали новорожденных от сглаза, как следовало вести себя молодой матери в людных местах, как должны были относиться молодые люди к пожилым, что считалось грехом, какие недостатки и пороки были свойственны полешукам, каковы были роль и функции хозяина в структуре большой полесской семьи, каковы были взаимоотношения между родственниками, способы социализации детей и т. д. [16, с. 17-27]

С 1926 по 1929 гг. К. Мошинский принимал участие в автоэкспедициях «Орбис», организованных профессором географии Ягеллонского университета в Кракове Людомиром Савицким. Собранные им самим и его учениками и коллегами (Ю. Обрембским, Х. Вакарельским, Х. Кодовым и др.) материалы с большим количеством рисунков, фотоснимков были использованы затем в монографиях «Народная культура славян» и «Человек», работу над которыми К. Мошинский начал в 1920-е гг. [18, с.9; 19].

На Белорусское Полесье К. Мошинский возвращался еще несколько раз. В полесской экспедиции 1926 г. (продолжалась около полутора месяцев) К. Мошинский посетил Кобрин, Пинск, Столин, Ружаны [17, с. 127-171] Сбор материала осуществлялся путем личного включенного наблюдения, К. Мошинский делал полевые заметки и зарисовки, а также публиковал в периодической печати опросники, в ответ на которые ему приходили письма, первичный контент-анализ которых К. Мошинский проводил также в

полевых условиях [20, с. 108; 1, с. 22]. Все эти материалы, собранные на Белорусском Полесье, легли в основу работ, которые сам К. Мошиньский считал наиболее важными – «Восточное Полесье» и «Народная культура славян» [21, с. 308;]. В частности, материалы, посвященные семейной обрядности полешуков, стали основой второго раздела «Восточного Полесья» «Обычаи и обряды» [2, с. 177-231].

К. Мошиньский отмечал глубокую историческую укорененность семейных обрядов на Белорусском Полесье, а также их обогащение новыми элементами. Многие из более поздних напластований, по мнению ученого, придали полееской обрядности особый колорит. В данном разделе К. Мошиньский подробно охарактеризовал различные этапы жизни полешука, обращая внимание на целостность сложившегося комплекса норм, наказов, запретов и примет. Анализируя семейные обычаи полешуков, К. Мошиньский отмечал сильную социальную составляющую многих обрядовых действий. Так, например, беременным на Полесье во избежание причинения любого вреда будущему ребенку (как физического, так и морального) запрещалось смотреть на пьяниц, жуликов и увечных. Соответственно по причине положительного влияния на плод рекомендовалось общаться с людьми красивыми, честными, воспитанными и приятными. Нельзя было беременным также находиться при большом скоплении народа, на пожарах, видеть покойников во избежание сглаза и негативных последствий для ребенка [2, с. 177-178].

В пред- и послеродовой период К. Мошиньский особенно подчеркивал роль «бабки», а также роль кумы, которые являлись первыми «проводницами» нового человека в большом свете людей, а также пользовались большим почетом в полесском обществе. В таком статусе проявлялся определенный престиж, даже культ – их приглашали в гости, дарили подарки, всячески приветствовали и угощали. Так К. Мошиньский указывал, что в Мозырском повете после крестин мужчины везли «бабу» в корчму [2, с. 178]. При крестинах, которые происходили «на людях», при

большом скоплении народа – родных, близких, свояков, соседей и знакомых, кума и бабка-повитуха также играли центральные охранные роли. На первом году воспитания маленького полешука К. Мошиньский подчеркивал важность социальных запретов, влияющих на формирование личности: «не бить по рукам – будет ленивый, по голове – будет тупой, по ногам – будет плохо ходить» и т.д. Ребенку на БП запрещалось смотреться в зеркало (это фиксировал и Я.С. Быстронь), чтобы не вырос хвастливым и эгоистичным [2, с. 181].

Особую роль, по мнению К. Мошиньского, играла в свадебном обряде дружина жениха («беседа», «бояре»). Здесь К. Мошиньский отмечал важность доброй репутации у соседей и односельчан – на роль «каравайниц» приглашались не просто замужние женщины, но уважаемые и живущие в ладу с мужьями; дружками могли быть только уважаемые мужчины, не пьяницы и не лентяи и т.д.[2, с. 183-184].

К. Мошиньский отмечал в Дорошевичах локальные особенности проведения свадебного обряда, свидетельствующие о сильной социальной иерархии, существовавшей в регионе. Во время свадебного угощения гостей рассаживали строго «по старшинству», начиная с отца и матери, дедушек и бабушек, близких родственников и крестных родителей.

В обрядах, связанных с погребением, К. Мошиньский также отмечал региональные особенности. Строго запрещалось, например, женщинам лить слезы на покойника, чтобы на том свете «не пришлось ему в воде мокнуть». При обмывании и одевании покойника строго соблюдался гендерный статус. [22, с. 174]. Кроме того, в Дорошевичах, под голову покойника клали сено, тогда как в соседних деревнях, по свидетельству К. Мошиньского – «хмель, мяту и ромашку». В Дьяковичах на могилу после погребального обряда клали сосновые либо дубовые колоды (в других районах – камни либо специальные домики), чтобы покойник не ходил после смерти и не беспокоил родственников [2, с. 208-211]. Отмечая особую роль хозяина в поминальных трапезах, К. Мошиньский рассматривал структуру обряда – в

начале глава семейства должен был произнести ритуальную фразу, обращенную к предкам: «Святыя деды, прашу вас на вячэру» [2, с. 212]. Сама трапеза должна была проходить свободно и медленно, никто не торопился принимать пищу, а главным образом общался с соседями по столу.

Одной из наиболее характерных черт социальной культуры являлось отношение к предкам. Как отмечал в полевых дневниках К. Мошиньский, по высказываниям своих респондентов в Дорошевичах – на Полесье «дзедоу шануюць». К. Мошиньский наблюдал несколько основных дней поминовения: Михайловские (осенние) деды, «деды на Масляной» (перед Великим постом), «Радоничные деды» после Пасхи и «Троицкие деды», причем в Дорошевичах обычно отмечали не два, а три дня – четверг, пятницу и субботу с обязательным соблюдением нерабочего режима и поминальным угощением. Кроме того, обязательным являлось также и посещение могил родных с принесением угощения для них, а также для убогих, одаривание которых считалось неременным атрибутом. В Дорошевичах, характеризуя эту особенность один из респондентов К. Мошиньского отмечал: «У нас старцоу страшэнно дараць и шануюць»; «И дару старцоу, и у Бога верую» [2, с. 211-214].

Накопленный в 1920-е гг. КМ фактический материал о традиционной социальной культуре Белорусского Полесья свидетельствует о том, что ученый стремился подробно рассмотреть жизнь полешука в эволюции от первого шага до последнего вздоха через призму обрядов – родинных, крестинных, свадебных, погребальных – а также календарную, поминальную обрядность, товарищеские обычаи, родственные и гендерные взаимоотношения, вопросы воспитания и взаимопомощи. Объем материала, посвященного вопросам социальной культуры полесского региона, значительно меньше, чем по материальной и духовной культуре. В основном выписки и заметки К. Мошиньского связаны с исследованиями двух первых типов, их практически невозможно вычленивать в самостоятельный блок, что обусловлено особенностями исследования ученого. Именно в связи с тем, что

первой изучалась материальная культура, затем – духовная, на социальную культуру часто не хватало времени, либо она включена в описание духовной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махнач, А.І. Этнаграфічнае вывучэнне Беларусі карэспандэнтамі Казіміра Машынскага / А.І. Махнач // Веснік БДУ. – Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – №. 2. – Мінск: БДУ, 2009. – С. 19 - 23.
2. Moszynski, K. Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz z powiatu rzeszyckiego / K. Moszynski. – Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego, 1928. – 328 s.
3. Maj, M. Bibliografia prac Kazimierza Moszynskiego / M. Maj / Kazimierz Moszynski. Zycie i tworczość // Prace Komisji Etnograficznej. Red. tomu J. Klimaszewska. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: PAN, 1976. – S.154-163.
4. Moszynski, K. Lud Poski w dorzeczu Wisły / K. Moszynski // Ziemia. – 1927. – T. XII. – S. 163–169.
5. Moszynski, K. Regionalizm wobec etnografji / K. Moszynski // Ziemia. – 1925. – R. X. – № 1. – S. 132–133.
6. Moszynski, K. Wypalanie nowin / K. Moszynski // Ziemia. – 1925. – R. X. – № 6–7. – S. 132–133.
7. Moszynski, K. O kulturze ludowej południowo-wschodniego Polesia / K. Moszynski // Ziemia. – 1925. – R. X. – № 6–7. – S. 120–131.
8. Moszynski, K. Nowogrodzkie pod względem etnograficznym / K. Moszynski // Ziemia. – 1925. – R. X. – № 10–12. – S. 181–187.
9. Moszynski, K. Niektóre wyniki etnograficznych badań Polski / K. Moszynski // Ziemia. – 1925. – R. X. – № 3. – S. 40–45.
10. Moszynski, K. Uwagi o słowiańskiej terminologii topograficznej i fizjograficznej, oparte przeważnie na materiale białorusko-poleskim / K. Moszynski // Archiwum Nauk Antropologicznych. – 1927. – T. 1, nr 5. – S.19.
11. Moszyński, K. Białoruski „spor” i „sparys” / K. Moszynski // Lud Słowiański. – T. 1. – 1929/1930. – S. B54-B66.
12. Moszynski, K. Samołówki łowieckie / K. Moszynski // Lud Słowiański. – 1929/1930. – T. 1. z.1. – S. B100–B101.
13. Moszynski, K. O wewnętrznym układzie prac, obejmujących całokształt kultury materialnej / K. Moszynski // Lud. – 1924. – T. 23. – S. 38–49.
14. Moszynski, K. Zwyczaje świętojańskie na zachodnim Polesiu / K. Moszynski // Lud Słowiański. – 1929-30. – T.1. – S. B76-B88.

15. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. / П.В. Шейн. – СПб., 1902. – Т. 3. Описание жилища, одежды, пищи, занятий, препровождения времени, игры, верования, обычаи и право. – 596 с.
16. Moszynski, K. Kwestionariusz do kultury duchowej / K. Moszynski. – Kraków: Archiwum Instytutu Etnologii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1927. – 27s.
17. Moszynski, K. Ethnogeographische Studien in Ostpolen / K. Moszynski // A Journey through the Eastern Provinces of Poland in the Year of 1926. – Kraków, 1929. – S.127-171.
18. Moszynski, K. Kultura ludowa slowian. Cz. II. Kultura duchowa. Zeszyt 1 / K. Moszynski. – Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1934. – 722 s.
19. Moszynski, K. Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii / K. Moszynski. – Wrocław – Kraków - Warszawa: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1958. – 854 s.
20. Махнач, А.І. Беларусь у навуковай і педагогічнай дзейнасці Казіміра Машынскага / А.І. Махнач // Российские и славянские исследования / Белорусский государственный университет. – Вып. 4. – Минск: БГУ, 2009. – С. 107 - 115.
21. Махнач, А.І. Этнаграфічныя экспедыцыі Казіміра Машынскага па Беларусі / А.І. Махнач // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – Вып. 4. – Мінск: БДУ, 2009. – С. 301 - 308.
22. Баршчэўскі, А. Народныя паляшукія абрады і вераванні, звязаныя з паасобнымі этапамі чалавечага жыцця ў кнізе “Усходняе Палессе” Казіміра Машыньскага / А. Баршчэўскі // Комплекснае даследаванне фальклору і этнакультуры Палесся: матэрыялы II міжнар. навук. фальклорна-этналінгв. канф., 14-15 крас. 2005 г., Мінск / рэдкал. Васіль Ліцьвінка (уклад.) [і інш.] – Мн.: Выд. цэнтр БДУ, 2005. – С. 165-176.